

С. А. Ватченко
Днепропетровск

САТИРИКО-ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЯ Г. ФИЛДИНГА
«ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАГРОБНЫЙ МИР»:
СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

У статті проаналізовано семантико-формальні характеристики раннього прозового тексту Філдінга «Подорож до загробного світу». Твір, що увібрав у себе багатомістові традиції європейської інтелектуальної сатири, відзначений оригінальністю, глибиною художнього замислу та до сьогодні привертає увагу як читачів, так і літературних критиків. Навколо «Подорожі...» на протязі століть не вибухають суперечки. Історико-літературна репутація книги мінлива. Парадоксально, що ряд властивостей поетики «Подорожі...», такі як фрагментарність, аморфність композиції, звернення до образу ненадійного оповідача, відкритість фіналу, сприймаються одними критиками як достоїнство, іншими – як літературна небаліст, прояв незрілості майстерності. Поточні десятиліття привносять нові акценти в інтерпретацію сатирико-філософської алегорії Філдінга. Тепер вже у «Подорожі...» бачать складну художню конструкцію, де автор винахідливо використовує ігрову естетику розузгодження цілісності. Також вважають, що візуально реалізована метафора пропуску виявляється знаком семантичної неоднозначності твору.

Ключові слова: сатирико-філософська алегорія, прийом знайденого рукопису, образ ненадійного оповідача, естетика фрагменту, аморфна композиція.

В статье анализируются семантико-формальные характеристики раннего прозаического текста Филдинга «Путешествие в загробный мир». Вобравшее в себя многовековые традиции европейской интеллектуальной сатиры, произведение отмечено оригинальностью, глубиной художественного замысла и по сей день притягивает внимание как читателей, так и литературных критиков. Вокруг «Путешествия...» в течение столетий не утихают споры. Историко-литературная репутация сочинения колеблется. Парадоксально, что ряд свойств поэтики «Путешествия...», такие как фрагментарность, аморфность композиции, обращение к образу ненадежного повествователя, открытость финала воспринимается одними критиками как достоинство, другими – как литературная небрежность, проявление незрелости мастерства. Текущие десятилетия привносят новые акценты в интерпретацию сатирико-философской алегории Филдинга. Теперь уже в «Путешествии...» видят сложную художественную конструкцию, где автор изобретательно использует игровую эстетику рассогласования целостности. Также полагают, что визуализированная метафора пробела становится знаком семантической неоднозначности произведения.

Ключевые слова: сатирико-философская аллегория, прием найденной рукописи, образ ненадежного рассказчика, эстетика фрагмента, аморфность композиции.

The semantic and formal characteristics of H. Fielding's early prose text "A Journey from This World to the Next" are analyzed. The work that absorbs centuries-old traditions of European intellectual satire is marked with the originality, the depth of artistic design and up to now attracts attention of the readers as well as literary critics. The discussions around "A Journey..." have not been completed yet. Historical and literary reputation of the book varies. A number of peculiarities of the poetics of "A Journey..." such as fragmented structure, formless

composition, the image of unreliable narrator, the open ending are estimated by some critics as a merit but by others – as literary carelessness, the manifestation of the immaturity. Current decades add new points to the interpretation of Fielding's satirical and philosophical allegory. Now "A Journey..." is seen as the complicated artistic construction where the author ingeniously uses the play aesthetics of shapeless integrity. It is also considered that visually realized metaphor of blank space becomes the sign of semantic ambiguity of the work.

Key words: *satirical and philosophical allegory, the manuscript found, unreliable narrator, the aesthetics of the fragment, an amorphous composition.*

Отношение читателей и литературных критиков к тексту Г. Филдинга «Путешествие в загробный мир и прочее» было неровным¹. О нем судили то сдержанно, сетуя на обстоятельства, помешавшие автору реализовать блестящий замысел, то, напротив, восхищались оригинальностью содержания и формы произведения, выполненного в традициях европейской интеллектуальной сатиры. Выполненного столь успешно, что голос писателя звучал свежо, убедительно, несмотря на славу предшественников (Гомер, Платон, Лукиан) [2; 3; 5; 6]².

«Путешествие в загробный мир и прочее» (“A Journey from This World to the Next, &c.”) Филдинг поместил во второй том «Собрания разных сочинений» (“Miscellanies”), изданного в апреле 1743 г. в Лондоне. К этому времени многое изменилось в жизни художника: парламентский закон о цензуре 1737 г. разрушил судьбу одного из наиболее талантливых и многообещающих драматургов века, вынудил переменить профессию, стать адвокатом, судьей, прийти в журналистику, утвердиться в роли редактора нескольких газет, замеченных лондонцами благодаря острым политическим комментариям, сатирическим очеркам, остроумным рецензиям. Нарастает разочарование, Филдинг утрачивает иллюзии по поводу возможных политических перемен. Наступает охлаждение в его отношениях с оппозиционной партией [19, р. xvii–xviii]. Неожиданно для себя образованный джентльмен, почитатель и последователь скриблерианцев заинтересуется жанром романа, популярного среди нетребовательной публики, трепетно внимающей историям о любовных драмах молодых героев. Филдинг не останется безучастным к событию 1740 г., потрясшему литературный мир столицы, выходу в свет романа «Памела, или Вознагражденная добродетель», поначалу изданного анонимно. Неприятательный рассказ о юной провинциалке, противостоящей домогательствам влиятельного вельможи, восхитит англичан, но более всего

¹ Исследователи и переводчики по-разному передают заголовок философско-сатирической аллегории Филдинга “A Journey from This World to the Next, &c.”: «Путешествие из этого мира в иной» (Е. Халтрин-Халтурина), «Путешествие в иной мир», «Путешествие в другой свет» (С. Слепухин), «Путешествие в загробный мир» (С. Мокульский), «Путешествие в загробный мир и прочее» (В. Харитонов) [4; 8; 11; 12].

² Известно, что многие литераторы XVII–XVIII ст. обращались к жанру диалогических миниатюр, написанных в подражание «Разговорам в царстве мертвых» Лукиана. См.: «Нунций Инфернальный, или Последние новости из преисподней» (1692) Ч. Гилдона, «Диалоги мертвых» (1699) У. Кинга, «Диалог между императором Августом и кардиналом Ришелье» (1723) Дж. Шеффилда, первого герцога Бэкингема. Во Франции Бернар де Фонтенель также опубликовал «Диалоги мертвых» в 1683 г., и Франсуа Фенелон издал серию бесед, используя такое же название в 1700–1718 гг.

притягательным им покажется образ заглавной героини, наделенной тонкостью переживаний и глубиной чувств в той же мере, как и высокородная леди. Однако ряд насмешников, обладавших язвительным умом, не поверят в искренность помыслов добродетельной служанки, которую молодой сквайр поведет под венец. Одним из них был и Генри Филдинг, напечатав без указания имени искрометную пародию «Шамела», ставшую отныне вечным двойником и спутницей персонажей Ричардсона, отнюдь не преуменьшив, но упрочив ее славу. Пройдя через опыт создания «Шамелы» (“Shamela”, 1741) и отточив перо прозаика, Филдинг не только вступит в литературный поединок с Ричардсоном, но и предложит альтернативную ричардсоновскую модель романа, представляющую собой социальный комический комментарий современных нравов и нашедшую впоследствии в английской культуре знаменитых приверженцев (Смоллетт, Остен, Диккенс, Теккерей). «Джозеф Эндрюс»³ (1742) являет собою как бы продолжение «Шамелы» и глубоко вовлечен в незавершенный процесс эстетической полемики между Ричардсоном и Филдингом. Однако тональность спора теперь уже будет несколько иной. Формально заимствовав образы героев из «Памелы» Ричардсона, сохранив опыт бурлескного разоблачения псевдолюбовной пары скандально популярной «Шамелы», сквайра Буби и его избранницы, Филдинг заинтересует читателя историей о трудностях существования в несовершенном мире забавных простаков (“innocence”), пастора Адамса и его друга Джозефа Эндрюса, слуги в доме состоятельной вдовы. Не изменив нравственной проблематики, столь интересовавшей Ричардсона (тема благожелательности и участия в отношениях между людьми, возможности построения брака на основе любви), Филдинг отбросит пристрастность и субъективность дневниковой формы, претендующей на достоверность передачи чувств персонажей, и введет в повествование образ всеведущего автора, остроумца и интеллектуала, который артистично с помощью известных литературных аллюзий, аналогий, цитат (сервантесовская традиция, Библия, «Одиссея», скриблерианцы) празднично преобразит обыденные романские события в театральном-игровой мир комической эпопеи в прозе. Неожиданно соединив в «Джозефе Эндрюсе» авторитет эпического автора-небожителя и низовой предмет – несовершенство современных нравов и характеров, писатель в авторском предисловии к роману обоснованно назовет себя творцом литературы того рода, которую до сей поры никто еще не пытался писать на его родном языке [9, с. 281].

«Джозеф Эндрюс» Филдинга найдет благодарную читательскую аудиторию, определит направление, в котором возможно двигаться

³ Полный заголовок романа: “The History of the Adventures of Joseph Andrews and of his Friend Mr. Abraham Adams. Written in Imitation of the Manner of Cervantes, Author of “Don Quixote”, – сообщает читателю о литературной родословной сочинения Филдинга. Здесь упомянуто имя Сервантеса как основоположника европейской комической традиции, к которой примыкает текст писателя, а также подчеркнуто родство заглавного героя с Памелой Эндрюс, персонажем, чья история по-прежнему интересует публику. В сентябре 1741 г. Ричардсон выпустит продолжение своей первой книги (1740), где расскажет об испытаниях, готовящихся Памеле высшим светом, который она пытается покорить.

художнику, чтобы в будущем реализовать свои грандиозные планы и создать произведения, впоследствии ставшие европейской классикой, романы «Том Джонс» (1749) и «Амелия» (1752). Однако это произойдет несколько позже. В 40-е гг. Филдинг переживает не только приятные моменты в своей личной и профессиональной судьбе, рождение сына Генри (1741/42), дочери Гэрриет (1743), радуется счастливому союзу с Шарлоттой Крейдок, по свидетельству современников, обладавшей красотой, ангельским характером, легким нравом, но испытывает трудности (безденежье, долги), сталкивается с трагическими обстоятельствами: умирает старшая дочь Шарлотта (1742), нарастает недомогание жены. В 1741 г. Филдинг также перенесет жестокий приступ хронической болезни, которая будет терзать его до конца дней. Биографы Филдинга назовут это время наиболее мрачным периодом его жизни (“the darkest years of his life”) [19, р. XVII], [14, р. 371–372].

Полагают, что «Путешествие в загробный мир» и разоблачительная свифтианская псевдобιοграфия Джонатана Уайльда (“The History of the Life of the Late Mr Jonathan Wild the Great”, 1743) были задуманы ранее, но завершены в течение года после издания «Джозефа Эндрюса» (февраль 1742) и соответственно вошли во второй и третий тома «Собрания разных сочинений»⁴. В этом убеждены многие исследователи, так как художественная форма упомянутых текстов, по их мнению, более архаична, нежели экспериментальный жанр «комической эпопеи в прозе», и скорее тяготеет к известным образцам интеллектуальной сатиры эпохи августинианства (А. Поуп, Дж. Свифт, Дж. Аддисон, Р. Стил)⁵. Объединяет литературных критиков и предположение о том, что изданные в апреле 1743 г. произведения Филдинга несут на себе печать импровизации, иногда фрагментарности и незавершенности, что скорее свидетельствует об определенных помехах и затруднениях, которые не позволили в полной мере воплотить писателю задуманное⁶ [14; 21; 22; 25]. Однако вопреки

⁴ На «Собрание разных сочинений» Филдинга годом ранее была объявлена подписка. О желании приобрести иногда до десятков комплектов текстов писателя заявили принц Уэльский, герцог Бедфордский, граф Честерфилд, герцог Ньюкасл, Роберт Уолпол, после отставки граф Орфорд, деятели литературы и театра представлены Гарриком, Эдвардом Юнгом, Китти Клайв, Пэг Уоффингтон. Среди известных имен подписчиков и Литтлтон, Питт, Генри Фокс, Бабб Доддингтон, группа столичных юристов, земляки Филдинга. Поупу и Аллену сам Филдинг заказал по одному комплекту книг [7, с. 78–79].

⁵ Историки литературы восстановили хронику работы Филдинга над изданием его избранных трудов. Начало подготовки текстов относят к 1741 г. Объявление о публикации трехтомника появляется 5 июня 1742 г. и содержит пояснения о возможной задержке выхода в свет собрания сочинения из-за небольшого числа подписчиков, заявивших о себе. В известном предисловии к «Избранному» Филдинг опишет трудности, помешавшие ему вовремя исполнить обещание. Он расскажет о цепи печальных обстоятельств, которые обрушились на его семью: “...a Train of melancholy Accidents scarce to be parallell’d’ ‘with a favourite Child dying in one Bed, and my Wife in a Condition very little better, on another...” [19, р. xix]. Время от времени заметки об ожидаемых читателями книгах Филдинга помещались в периодике и, наконец-то, 7 апреля 1743 г. тексты писателя были доставлены всем желающим.

⁶ Существует и альтернативное мнение. Хью Эймери убежден, что изначально текст «Путешествия» был более объемным и затем был сокращен Филдингом по известным только ему мотивам [13]. Эту точку зрения разделяет и Бертран Голдгар. Он полемизирует с теми критиками, которые обвиняют Филдинга в излишней небрежности композиции, ее пестроте и рассогласованности. Напротив, Голдгар оценивает сочинение Филдинга как завершенное и целостное. Неожиданно и оригинально исследователь трактует и содержание «рам» произведения, которое отнюдь не является, как он полагает, шутивным оправданием итоговой неотделанности текста [19].

сдержанным оценкам “Miscellanies” звучат и похвалы энтузиастов. Прежде всего выделяют как наиболее значительные в сборнике «Путешествие в загробный мир» и «Джонатана Уайльда», острую политическую сатиру, направленную против некогда всесильного премьер-министра Роберта Уолпола. Разброс мнений вокруг «Путешествия в загробный мир» велик. Образованная и влиятельная в среде английских интеллектуалов XVIII ст. кузина Филдинга Мэри Уортли Монтегю назовет «Путешествие» литературной безделицей⁷. Современные биографы и критики увидят в нем достоинства и недостатки. М. Баттестин посетует, что поначалу текст производит впечатление неожиданно свежего, а затем разочаровывает («...gives the impression of something fresh and promising that went wrong...») [14, p. 371]. Р. Полсон соотнесет структуру «Путешествия» с пикарескным нарративом, более упрощенной формой, нежели «Дон Кихот», художественное решение которого станет основой «Джозефа Эндрюса» Филдинга [21, p. 123]. В то же время Филдинг обращается к повествовательной модели пикарески лишь во фрагменте «Путешествия», соотнесенном с фигурой Юлиана Отступника, обреченного на цепь реинкарнаций с тем, чтобы искупить совершенные им в прошлом прегрешения. Однако здесь это не просто технический прием наращивания потока пестрых жизнеописаний персонажа, но концепция Истории, ее публичных героев и безличных статистов. Р. Полсон как бы не замечает сложной композиционной организации «Путешествия», где целостность произведения сохранена, несмотря на фрагментацию текста и его открытость [21, p. 123–124]. По сей день согласия в среде критиков в приятии (Х. Эймори, Б. Голдгар, А. Белл, Э. Варней, С. Вейри) либо неприятии «Путешествия» (Л. Брэди, М. Ирвин, Ф. Холмс Дадден) нет, но текст востребован, читаем, и, вероятно, следует довериться суждению Диккенса и Гиббона, для которых «Путешествие» было одним из любимых произведений писателя [20, p. 496].

В одной из своих работ Регина Джейнс⁸ напомнила, что Филдингу пришлось совершить несколько «литературных путешествий» в мир иной. Ряд из них были воображаемыми, как в небольшой повести, изданной в 1743 г., а также в очерках, помещенных в газетном листке «Боец» (“Champion”), приписываемых сквозному персонажу язвительному Геркулесу Винегару (Hercules Vinegar)⁹, и в популярных, имевших успех в театре комедиях (“The

⁷ В письме подруге Мэри Уортли Монтегю заметит, что «хотела бы получить посмертные сочинения Филдинга, а именно его мемуары о Джонатане Уайльде и «Путешествие в загробный мир». «Вы можете именовать все это просто поденщиной», – замечает она (“I desire to have Fielding’s posthumous works with his Memoires of Jonathan Wilde and Journey to the Next World... You will call all this trash, trumpery etc.”) [Цит. по: 29, p. 1].

⁸ См.: Janes R. M. Henry Fielding Reinvents the Afterlife [20].

⁹ В одном из номеров «Бойца» (суббота, 24 мая 1740 г.) сквозной персонаж издания, Геркулес Винегар, поведает читателю о сне, навеянном текстом Лукиана и театральной постановкой об Орфее и Евридике, которую ему удалось посмотреть во время вечернего спектакля. В духе греческого сатирика Винегар занимательно перескажет сценку препирательства между персонажами-тенями, занимающими места в лодке Харона с тем, чтобы переправиться через Стикс. Герои суетны, тщеславны, не отринуты пока еще свою земную суть, ссорятся, не находят согласия и в итоге оказываются в волнах священной реки, тонут, отчего

Author's Farce", 1730; "Eurydice", 1737). К сожалению, последнее путешествие Филдинга, описывающее его поездку на корабле в Лиссабон и изданное посмертно, стало реальностью ("The Journal of a Voyage to Lisbon", 1755).

Символику загробного мира в богатстве привычной атрибутики, к тому же сниженную с помощью комической перелицовки Филдинг, действительно, широко вводит в свое раннее творчество. Семантика загробного мира, содержащая игру устойчивыми смыслами: призрачности, неподлинности, замещения жизни химерами, тенями, ложными ценностями, рассыпающимися в прах, ярко обыгрывается Филдингом в «Авторском фарсе» и «Евридике». В пьесе о молодом драматурге, преследуемом неудачами, кредиторами и все же мечтающем о славе, Филдинг с помощью во многом автобиографического героя Гарри Лаклесса потешит публику сатирической аллегорией о засилье в современном искусстве и театре жанров, уже утративших силу, безжизненных, не трогающих публику, сошедших со сцены и невостребованных, но в потустороннем мире в пространстве, где властвует богиня Ахинья, они сражаются за ее милости, признание и награду, сетуют на критические выпады против них, которые приводят их к бессилию и упадку [15]. В «Евридике» владения Плутона и Прозерпины, куда попадает Орфей в поисках красавицы-жены, напоминают лондонский свет, где постоянно устраиваются балы, одно развлечение следует за другим, щеголи и дамы не видят различия между прошлой жизнью и настоящей, так как бездушными и бесчувственными они были всегда, а смысл существования подменяли суетой в погоне за удовольствиями [16].

К теме загробного мира Филдинг обратится вновь спустя годы. В его новом произведении она зазвучит иначе. Потусторонний мир в литературном исполнении Филдинга, где многое напоминает о земной жизни и тесно с ней соприкасается, выстроен в привычных формах существования героев, которые, утратив телесность, сохраняют жизнь души, персоналистичность духа и узнаваемость характера. Закончив земной путь, персонажи покидают пределы столицы, ей находится место и в ином свете, улицы города заполнены толпами, здесь располагается обилие зданий, дорог, гостиниц, постоянных дворов, только они другого свойства. Изящные, тонкие тени скользят по мостовой, торопятся к экипажам, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, где по ее завершении они узнают, насколько их добродетели окажутся весомее прегрешений, и впоследствии это определит их инобытие: состояние блаженства в Элизиие либо тягостные муки в кругах преисподней [17].

Путь к вышнему миру заставит героя преодолеть ряд преград, увидеть диковинные города и дворцы. Компанию ему составят бестелесные собеседники, одни из них выступают в роли словоохотливых, общительных собеседников, другие поведут себя иначе, будут настороженны и молчаливы.

Примечательно, что во введении Филдинг прибегнет к розыгрышу читателя, придумает сюжет о найденной рукописи, отвергнутой издателями, упомянет о сочинителе, но имя его останется неизвестным, как и дальнейшие жизненные обстоятельства [10, с. 29–30]. Вряд ли он был удачлив, по слухам след его теряется в Вест-Индии. Однако, учитывая пугающую необычность рассказанной им истории, вполне возможно, что она – плод расстроенного воображения, свойственного обитателям Бедлама, известного приюта для безумцев в Лондоне¹⁰. Вероятно, мощь фантазии и философский склад ума позволили герою-рассказчику предел земного бытия обозначить как исток другого повествования – о превратностях похождения души автора, пережившего смерть, в мистериальном пространстве загробного мира. Провидческой метафоре смерти автора Филдинг придаст двойную направленность, мифопоэтическая проекция образа растворится в предзаданных ритуалах воздаяния/спасения, а травестийная перелицовка сакральной темы даст возможность воспринимать его как иронический автопортрет-рефлексию.

Формально Филдинг различает безымянного сочинителя, чья рукопись, пусть и неполная, все же найдет своего читателя, и литератора, героя введения, написанного от его лица. Тем не менее, совпадения с фактами биографии самого Филдинга, упоминание современников, Колли Сиббера, Эндрю Миллара, богослова Уорбертона, лордов-мэров Лондона, Парсонза и Готшелла, историка Хука, литературных героев, пастора Адамса, Мальчика-с-Пальчика, рассказ о встрече в Элизиуме с недавно умершей дочерью Шарлоттой в текстах введения и найденного манускрипта делают подвижными ориентиры читателя, предоставляют ему свободу сближения предложенных Филдингом авторских масок. Читатель осознает, что у фигуры автора в произведениях Филдинга особая роль, и исполняет он ее как искусный лицедей.

Бернар Голдгар справедливо отвергает излишне категоричное обвинение критиками Филдинга в поспешности и небрежности художественных решений, определивших неповторимость облика «Путешествия в загробный мир» [19, р. xxiv]. Дар Филдинга велик, и даже произведения, находящиеся в тени его значительных сочинений, поздней драматургии («Пасквин», «Исторический календарь за 1736 год») и столь любимых европейцами комических эпопей в прозе («Джозеф Эндрюс», «Том Джонс»), отмечены печатью высокого мастерства. Пусть даже обстоятельства и помешали Филдингу полнокровно реализовать задуманное, тем не менее, изобретательность автора, многогранность видения темы не только весомо подтверждают авторитет классика, но и свидетельствуют о

¹⁰ Б. Голдгар проницательно заметит, что едва ли имеет смысл рассматривать повествовательную раму к «Путешествию» как своего рода извинения Филдинга за несколько растрепанный и непоследовательный текст. Скорее всего, обнаруженный автором-героем манускрипт, зияющий пробелами, напоминает литературную практику Свифта и скриблерианских сатириков, опыт которых и наследует Филдинг, ведь «Трагедию трагедий» (1731) молодой драматург подавал как недавно найденную елизаветинскую пьесу, изданную Скриблерусом Секундусом [19, р. XXVIII].

высокой литературной репутации «Путешествия...».

Исследователи редко обращаются к толкованию названия произведения, которое, как им представляется, явно обнажает лукиановский канон обличения суетности человека, воспринимающего жизнь лишь благодаря ценностям преходящим – богатству, успеху, славе, но не вечным – благожелательности, любви к ближнему, способности к самопожертвованию [1; 7; 20–25]. Все же заголовок, избранный писателем, не столь однозначен. Филдинг завершает его знаком амперсанда – &, что может восприниматься как комически профанное снижение сакральной проблематики текста, напоминание о его незавершенности, открытости и о нерасчлененности этического события – воздаяния-искупления-спасения: “A Journey from This World to the Next, &c.” [17].

Филдинг, известный мастер композиции, в «Путешествии в загробный мир» виртуозно соединит ряд мотивов и сюжетных пластов. В структурной организации произведения обычно выделяют паратекстуальную раму, где автор-издатель опишет прецедент находки странного манускрипта, а затем продолжит общаться с читателем с помощью подстраничных реплик, сожалея о безвозвратной потере многих листов рукописи. Затем отмечают блестящее бурлескное переложение легендарного предания об Эре [6], побывавшем и вернувшемся из загробного мира, исполненное в лукиановской обратной перспективе, где из пределов вечности возможно оценить подлинную суть земной жизни (десятая книга «Государства» Платона)¹¹.

С образом судьи – а в пространстве потустороннего мира из сатирико-философской аллегории Филдинга это почетное право отдано Миносу – соотнесена и дальнейшая участь персонажей-теней. Мудрый Минос рассмотрит душу каждого. Если она покрыта «рубцами от ложных клятв и несправедливых поступков» (Платон) [6, с. 571], определит меру воздаяния: ею может быть земное воплощение с тем, чтобы искупить грехи и получить надежду на спасение. Когда тяжесть проступков велика, велика и кара, запятнанная душа обречена на страдания в преисподней. В то же время душу, не отягченную злом, допускают в Элизиум, и к радости рассказчика он и дух-прелестница Серафина попадают в блаженный край. Приятные встречи, занимательные беседы, дивная музыка, пение приводят в восторг и умиление духов, заполняющих апельсиновые рощи Элизиума. Герой не только найдет здесь свою утраченную дочь, но и повстречает художников древности, знаменитых современников. Ему выпадет честь обменяться приветствиями с Гомером, мадам Дасье, услышать Поупа, Аддисона, развеселого духа Дика Стила. Станет он свидетелем беседы Шекспира с драматургом и актером, случится ему увидеть и Милтона [10, с. 54]. Герои истории и преданий по обычаю Элизиума чтят поэтов, их воспевших. Ахилл и Улисс выкажут уважение Гомеру, Эней и Юлий Цезарь – Вергилию,

¹¹ Упоминают еще один текст Лукиана, который, несомненно, повлиял на автора “Путешествия в загробный мир». Это – «Правдивая история», где автор, используя маску ненадежного рассказчика, раскрывает приемы создания литературной мистификации [2].

рассказчик будет вынужден выслушивать Мальчика-с-Пальчика Великого, повествующего о своих подвигах. Называющий себя автором рукописи о путешествии в загробный мир чрезвычайно удивится пребыванию в Элизиуме духа Кромвеля, но более всего – Юлиана Отступника [10, с. 56]. Римский император воспользуется благожелательностью автора и поведаст ему о необычном опыте познания человеческой жизни, когда следуя выпавшему жребию земной роли короля, шута, нищего, генерала, принца, солдата, поэта, рыцаря, щеголя, учителя танцев, он переменит в течение столетий более двух десятков обличий, обретет спасение в Элизиуме, искупив грехи прошлого [10, с. 56–102].

В «Путешествии в загробный мир» Филдинг часто вспоминает имена исторических деятелей, иногда они удостоиваются его оценки, нередко выступают эпизодическими героями повествования или косвенно оказываются причастны к развитию сюжета. Так, кучер, управлявший необычным экипажем, доставлявшим бестелесных духов к Миносу, обязанному вершить последний суд, при жизни удостоился возить Петра Великого. Карл XII Шведский, Александр Македонский и римский император Калигула обласканы Властителем Дворца Смерти, поразившего героя-рассказчика из «Путешествия» великолепием готической архитектуры [10, с. 40–42]. В Элизиуме в толпе духов выделяются статьи Ахилл, Улисс, Эней и Юлий Цезарь, но более всего английский король Генрих V. На этом поток персонажей истории не оскудевает. Они станут участниками земных авантур Юлиана Отступника, то ли покровительствуя ему, то ли становясь преградой на пути к счастью. Проблема величия человека в истории не останется без внимания Филдинга, в его понимании представление об исключительности отдельной личности часто оказывается легендой, востребованной временем, но иногда театрально разыгранной ролью на подмостках публичной сцены. Поэтому столь неожиданной для читателя явится концепция характера Юлиана Отступника, предложенная Филдингом. Философ, даровитый полководец, последователь неоплатонизма Юлиан отважится уйти от официальной христианской доктрины, вернуться к вере предков и предложить идею веротерпимости как основу жизни государства. В «Путешествии в загробный мир» Филдинг лишит образ Юлиана бунтарского ореола, заставит пройти череду реинкарнаций, когда он будет обречен на жизнь мученическую, бесславную, заурядную, что позволит в прошлом исполненному гордыни императору принять и поверить в чувства любви, благожелательности, участия, столь ценимых христианами. Аллегорическую историю о путешествии в потусторонний мир Филдинг завершит исповедью-покаянием Анны Болейн, ставшей английской королевой по милости Генриха VIII, вскоре отправившего ее на казнь, обвинив в измене [10, с. 103–114]. Ей было 29 лет, «но в этот краткий срок, – признается героиня, – она изведает больше, чем многим выпадает за очень долгую жизнь». Болейн расскажет, что «жила рассеяно, блистала при дворе, на собственном опыте познала силу страстей, помрачающих рассудок» [10, с. 114].

В последние годы интерес исследователей и читателей к тексту Филдинга «Путешествие в загробный мир и прочее» нарастает [1; 19; 20; 24]. В нем видят сложную литературную конструкцию, где автор использует эстетику аморфности и фрагмента, причем полагают, что визуально реализованная метафора пробела (напомним, что в «Путешествии» текст расслаивается на несколько автономных зарисовок) становится знаком семантической неоднозначности произведения. В написанном на моралистическую тему «Путешествии...» автор не столько выбирает позицию осуждения человеческих слабостей и ошибок, сколько, как и его герой, великодушный судья Минос, движим чувствами милосердия и прощения.

Библиографические ссылки

1. Алеева Е. Интерпретация жизни и смерти в романе Генри Филдинга «Путешествие в загробный мир» / Е. Алеева // Филология и культура. – 2012. – № 4(30). – С. 171–174.
2. Лукиан Правдивая история // Лукиан Избранное / Лукиан. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 376–409.
3. Лукиан Разговоры в царстве мертвых // Лукиан Избранное / Лукиан. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 154–194.
4. Мокульский С. Генри Фильдинг – великий английский просветитель / С. Мокульский // Филдинг Г. Избранные произведения в двух томах. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 1. – Режим доступа: <http://www.lib.ru>
5. Платон Горгий; пер. С. Маркиша // Платон Собрание сочинений: В 4 т. / [общ. ред. Ф. Лосева и др.]. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 477–574.
6. Платон Государство; пер. А. Егунова // Платон Собрание сочинений: В 4 т. / [общ. ред. Ф. Лосева и др.]. – М.: Мысль, 1990. – Т. 3. – С. 79–420.
7. Роджерс П. Генри Филдинг. Биография / П. Роджерс; пер. с англ. В. Харитонов. – М.: Радуга, 1984. – 207 с.
8. Слепухин С. Новые карты Аида / С. Слепухин, М. Огаркова // Крещатик. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2009/1/og.html>
9. Филдинг Г. История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса; пер. с англ. Н. Вольпин // Филдинг Г. Избранные сочинения / Г. Филдинг. – М.: Худ.лит., 1989. – С. 279–570.
10. Филдинг Г. Путешествие в загробный мир и прочее; пер. с англ. В. Харитонов / Г. Филдинг // Филдинг Г. Избранные сочинения / Г. Филдинг. – М.: Худ.лит., 1989. – С. 27–114.
11. Халтрин-Халтурина Е. Сестра Филдинга – «синий чулок» и автор первой «школьной» повести на английском языке / Е. Халтрин-Халтурина // Материалы конференции, посвященной 300-летию Генри Филдинга. ИМЛИ РАН. – Режим доступа: [http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_\(Haltrin\).htm](http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_(Haltrin).htm)
12. Харитонов В. Разный Филдинг / В. Харитонов // Филдинг Г. Избранные сочинения. – М.: Худ.лит., 1989. – С. 5–26.
13. Amory H. Fielding's Wife: the Formation of his *Miscellanies* and the Text of *A Journey from This World to the Next* / H. Amory // PBSA. – 1990. – № 84. – P. 265–283.
14. Battestin M. Henry Fielding. A Life / M. Battestin, R. Battestin. – L., N.Y.: Routledge, 1989. – 738 p.
15. Fielding H. The Author's Farce / H. Fielding / [ed. by Ch. Woods]. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1966. – 151 p.
16. Fielding H. Eurydice / H. Fielding.- Режим доступа: <http://archive.org>

17. Fielding H. *A Journey from This World to the Next, &c.* / Fielding H. *Miscellanies* / H. Fielding / [ed. by H. Amory]. – Hanover: University Press of New England/Wesleyan University Press, 1993. – Vol. 2. – P. 1–128.
18. Fielding H. *Articles in the Champion* / H. Fielding // Fielding H. *Miscellaneous Writing* / [ed. by W. E. Henley]. – N.Y.: Croscup & Sterling Co, 1902. – Vol. 2. – P. 75–338.
19. Goldgar B. *General Introduction* / B. Goldgar // Fielding H. *Miscellanies* / H. Fielding / [ed. by H. Amory]. – Hanover: University Press of New England/Wesleyan University Press, 1993. – Vol. 2. – P. xvii–xlix.
20. Janes R. *Henry Fielding Reinvents Afterlife* / R. Janes // *Eighteenth-Century Fiction*. – Vol. 23. – Spring 2011. – № 3. – P. 495–518.
21. Paulson R. *The Life of Henry Fielding* / R. Paulson. – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 400 p.
22. Pagliaro H. *Henry Fielding. A Literary Life* / H. Pagliaro. – N.Y.: St. Martin Press, 1998. – 237 p.
23. Rosengarten R. *A Form This World to the Next: Poetic Justice and Deism* // Rosengarten R. *A. Henry Fielding and the Narration of Providence. Divine Design and the Incursions of Evil* / R. A. Rosengarten. – N.Y.: Palgrave, 2000. – P. 21–49.
24. Sneddon B. S. *A Journey from this World to the Next* // Sneddon B. S. *A Reassessment of the Early Fiction of Henry Fielding* / B. S. Sneddon. PhD Dissertation. – University of Toronto, 1998. – P. 142–168.
25. Varey S. *The Miscellanies and Jonathan Wilde* / Varey S. *Henry Fielding* / S. Varey. – Cambridge: Cambridge UP, 1986. – P. 29–45.

Надійшла до редколегії 7 жовтня 2014 р.